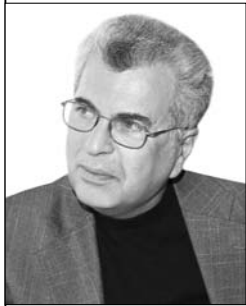

ПУСТЬ ДОЛГИМ БУДЕТ РАЗГОВОР

Евгений Александрович Ямбург,
директор Центра образования № 109 г. Москвы,
академик РАО, доктор педагогических наук,
Заслуженный учитель России
e-mail: yamburgea@mail.ru

Сегодня, когда вконец запутавшиеся в идеологических соснах взрослые пытаются с помощью унифицированного учебника истории наставить на путь истинный подрастающее поколение, им самим не мешало бы разобраться во многих травмирующих проблемах нашего прошлого.

- коллаборационизм • «поминальные свечи» • карательные акции
- оккупация • антисемитизм • единый учебник истории

Книги, опирающиеся на чёрствый и горький хлеб фактов, подвергнутых сдержанному содержательному, а не только эмоциональному анализу, необходимы и взрослым, и юношеству. Именно к таким работам я отношу книгу Л. Симкина «Коротким будет приговор». По отношению к пособникам нацизма, совершившим кровавые преступления (а именно о них идёт речь в книге) приговоры были действительно короткими

и беспощадными. Но разговор на эту большую тему требуется долгий.

Размытые метафоры и ментальные эмоции

По понятным обстоятельствам тема коллаборационизма сегодня на слуху, что вполне естественно в условиях нагнетания

военного психоза. Обвинения в предательстве национальных интересов, принадлежности к пятой колонне звучат по обе стороны баррикад, разделяющих непосредственных участников и сторонних, но от этого ничуть не менее пылких, наблюдателей конфликта на юго-востоке Украины. Похоже, что посторонних в этой страстной полемике нет, ибо разрыв во взглядах и оценках проходит сегодня по семьям, затрагивая детей, которые, как им и положено, задают детские вопросы: «А что такое коллаборационизм»? Детские вопросы, как правило, самые трудные. При ответах на них не отделять словарными определениями: умышленное, добровольное сотрудничество с оккупантами. Ребята мыслят конкретно, живо и непосредственно реагируя на то, что видят своими глазами: например, на Арбате, где некоторое время назад висели фотографии активистов так называемой «пятой колонны». Наивный, но не лишённый основания вопрос: «А что, нас уже оккупировали»? Но оставим на время в стороне политические тяжбы.

В книге профессионального юриста Л. Симкина речь идёт о тех, кто действительно пошёл на сотрудничество с оккупантами, запятнав себя кровавыми преступлениями. Источниками для неё послужили материалы судебных процессов, что начались в СССР сразу, по мере освобождения оккупированных территорий, и продолжились вплоть до восьмидесятых годов прошлого века. Возвращение термину его подлинного смысла и точной юридической трактовки — это по нынешним временам уже немало, поскольку нередко мы имеем дело с размытыми метафорами, которые бьют наотмашь по нашим глубоким ментальным эмоциям.

Удивляться этому не приходится. У людей, переживших войну, и моего послевоенного поколения реакция на термин «коллаборационизм» жёсткая и однозначная. Родственники моей мамы погибли на Харьковском тракторном заводе. Еврейских детей, рождённых после Катастрофы, нарекали

именами в память погибших. Потому их называли «поминальными свечами». Я и сам такая «поминальная свеча», получивший имя тети, уничтоженной в Севастополе. Карательные акции оккупанты проводили руками местных жителей. Вот почему при любых политических раскладах невозможно принять оправдание задним числом тех националистических организаций, деятельность которых сегодня пытаются романтизировать, представляя их идейными борцами против сталинской тирании. Об этом читаем в книге Л. Симкина. И всё же, кого считать коллаборационистом? Вопрос не праздный, поскольку ныне в пылу политических баталий возникают экзотические определения, например «жидобендеровцы» и т.п.

В поисках ответа на этот вопрос автор неизбежно выходит за рамки юриспруденции, ибо за томами уголовных дел, фиксирующих преступные деяния палачей, встаёт, на мой взгляд, главная тема книги, которая до сих пор не получила достаточного освещения.

Повседневная жизнь людей в оккупации

Что мы знаем о повседневной жизни семидесяти миллионов людей, оказавшихся на оккупированных территориях? Наши представления почерпнуты из советских фильмов, повествующих о героической борьбе подпольщиков, соблюдавших строгую конспирацию, организовавших мощный отпор врагу.

На деле в организации сопротивления не всё обстояло так картинно. История киевского подполья, представленная в книге по материалам уголовных дел, тому доказательство. Чего стоит хотя бы тот факт, что во главе киевского подпольного горкома оставили человека с ярко выраженной семитской внешностью, из-за чего он не мог даже выйти на улицу. Что это — отсутствие

у спецслужб информации о расовой политике нацистов? Не думаю. Скорее всего, обычный чиновничий формализм и разгильдяйство, характерные для нашей государственной машины во все времена.

Но оставим на время в стороне как палачей, которых оказалось избыточно много, так и героев сопротивления, действовавших часто не благодаря, а вопреки «мудрым» указаниям центра. Обратимся к жизни рядовых обывателей. И хотя утверждалось в известной советской песне, что «у нас героем становится любой», это явное преувеличение. Среди семидесяти миллионов большинству приходилось как-то выживать. Строго говоря, не Л. Симкин первым обратил внимание на эту сторону жизни на оккупированных территориях. Будучи молодым учителем, и впервые ещё в самиздате прочитав «Архипелаг ГУЛАГ», я был поражён той оценкой, которую дал А.И. Солженицын своим и моим коллегам-педагогам, продолжившим обучение детей в школах на территориях, занятых врагом.

«А школьные учителя? Те учителя, которых наша армия в паническом откате бросила с их школами и с их учениками — кого на год, кого на два, кого на три. Все знают, что ребёнок, отбившийся от учения, может не вернуться к нему потом. Так если дал маху Гениальный Стратег всех времён и народов — траве пока расти или иссохнуть? детей пока учить или не учить? <...> Такой вопрос почему-то не возникал ни в Дании, ни в Норвегии, ни в Бельгии, ни во Франции. Там не считалось, что легко отданный под немецкую власть своими неразумными правителями или силой подавляющих обстоятельств народ должен перестать жить. Там работали и школы, и железные дороги, и местные самоуправления. <...>

Конечно, за это придётся заплатить. Из школы придётся вынести портреты с усами и, может быть, внести портреты с усиками. Ёлка придётся уже не на Новый год, а на Рождество, и директору придётся на ней (и ещё в какую-нибудь имперскую годовщину вместо октябрьской) произнести речь во славу новой замечательной жизни — а она на самом деле дурна. Но ведь и раньше произносились речи во славу замечательной жизни, а она тоже была дурна».

Так считать ли советских учителей, которые по большей части были репрессированы после войны, пособниками врага или нет? Ответ очевиден. Нельзя ставить на одну доску палачей и людей, не по своей вине оказавшихся в экстремальных обстоятельствах. Справедливости ради отметим, что расширенное понимание коллаборационизма было присуще не только нам. Во Франции в послевоенные месяцы вошло в обиход определение «горизонтальный коллаборационизм» — относящееся к женщинам, вступавшим в интимные отношения с немцами. Шельмование их сопровождалось обритием голов, прочими символическими, а порой, вполне реальными расправами. Самосуд он и в ликующем Париже самосуд. За боль утрат рассчитывались люто.

Повседневная жизнь людей, проступающая в книге сквозь строки уголовных дел, даёт богатую пищу для размышлений. На оккупированных территориях открывались частные магазины, кафе и парикмахерские, работали театры, которые выдавали идеологически выверенный репертуар. Так, в орловском кукольном (!) театре с успехом шёл спектакль «Толстый жидёнок». Массированная нацистская пропаганда не могла не оставить след в сознании и душах 70 миллионов людей, среди которых были дети и взрослые. Здесь вслед за автором придётся затронуть ещё одну большую тему.

Заразность антисемитизма

Люди, хорошо помнившие довоенные годы в СССР, в один голос утверждают, что до войны массового бытового антисемитизма почти не было. Расцвёл он пышным цветом в конце сороковых — начале пятидесятых годов. Кажалось бы, этот феномен имеет понятные объяснения. В ходе войны изменился идеологический дискурс государства: интернационализм уступил место

державным ценностям, война стала священной и отечественной, для сплочения против врага пришлось призвать тени великих русских полководцев прошлого, опереться на авторитет полузадушенной РПЦ. После победы эта линия была усилена идеологическими кампаниями с явно антисемитским подтекстом: разгром еврейского антифашистского комитета, борьба с космополитизмом, дело врачей. Всё так, но перечисленные предпосылки и вехи становления государственного антисемитизма не дают ответа на один неудобный вопрос: каковы эмоциональные и психологические корни неподдельного искреннего массового воодушевления населения, с которым были встречены эти кампании?

Поддержка и энтузиазм миллионов не могут держаться только на страхе перед репрессивной машиной государства. Эффективный менеджер, осуществляя свои коварные политические планы, хорошо осознавал, что они ложатся на хорошо подготовленную взрыхленную почву. Годы оккупации не прошли бесследно, оставив неизгладимый след в массовом сознании едва ли не трети населения страны (напомню, 70 миллионов), заразив его антисемитизмом.

В своей пропаганде нацисты постоянно подчёркивали, что сражаются за освобождение русского, украинского и белорусского народов от чужеродной власти коммунистов и евреев. Разумеется, это был чисто пропагандистский ход. (Нам хорошо известны подлинные планы гитлеровцев в отношении славян.) Но первоначально он возымел действие на многих людей, прошедших через Голодомор и испытавших на себе иные «прелести» советской власти. Позже, когда каратели приступили к поголовному уничтожению местного населения уже не по национальному признаку, отношение к ним изменилось. Но акции устрашения часто проводились в ответ на действия партизан и подпольщиков, которые вызывали у населения неоднозначную реакцию: их рассматривали как источник бед и несчастий. Од-

нако на первых порах оккупанты, которых во многих западноукраинских городах встречали с цветами как освободителей, демонстрировали лояльность к местным жителям. Так, например, захваченных в плен в начале войны солдат-украинцев отпускали по домам. Оказавшись в родных местах, некоторые из них охотно шли служить в полицию, другие обустраивали свою частную жизнь. Поразительно, но в книге приводятся неопровержимые документальные свидетельства того, что коммунисты, которые по приказу немцев зарегистрировались как члены партии в муниципалитетах, не только не подвергались репрессиям, но иногда занимали при оккупантах мелкие административные посты, порой совпадавшие по роду деятельности с их довоенными должностями.

В таких обстоятельствах советской контрпропаганде было не с руки выделять евреев в особую группу жертв, подлежащих тотальному истреблению, тем самым косвенно подтверждая нацистский тезис о еврейской природе большевизма. По отношению к ним применили нейтральную формулировку: «уничтожение мирных советских граждан». Позже эта формулировка, умалчивающая о том, кого конкретно казнили в местах уничтожения, оказалась запечатлена на советских памятниках жертвам Холокоста.

Фигура умолчания, помимо прочего, должна была маскировать печальную реальность. Среди местного населения оказалось много, слишком много тех, кто сочувственно отнёсся к карательным акциям нацистов. Одни приняли в них непосредственное участие, за что получили короткий суровый приговор. Другие не преминули воспользоваться имуществом жертв и их квартирами. Позже, по возвращении из эвакуации, у тех, кому посчастливилось уцелеть, на этой почве возникали конфликты с соседями — ещё один дополнительный фактор расцвета бытового антисемитизма после войны.

Исходя из соображений высокой политики, дабы не подрывать единство советских народов, государство посчитало, что не стоит беречь былые раны и засекретило документы, свидетельствующие о роли и масштабах участия местного населения в Холокосте. По понятным политическим причинам они сегодня рассекречены в отношении Украины и Прибалтики. Справедливости ради отметим, что такое избирательное отношение к своему прошлому характерно не только для нас. Поляки до сих пор болезненно относятся к упоминанию о местечке Едвабне, где местное население уничтожило евреев ещё до прихода немцев. Не по нацистскому приказу, а, как сказал поэт, «по велению польского пылкого сердца» (А. Городницкий).

Так нацистская пропаганда, опыт активного или пассивного участия в геноциде, конъюнктурное умолчание всей правды государством заразили значительную часть населения антисемитизмом. Послевоенные сталинские кампании упали на взрыхленную почву. Государственный антисемитизм вызвал энтузиазм ещё и потому, что помогал оправдывать в глазах многих людей их недавнее непотребство. Эту нехитрую эмоциональную логику легко воспроизвести: «Да, мы не слишком сочувственно отнеслись к страданиям евреев, но, как выясняется, они, в силу присущих им качеств, постоянно вредят нашему родному государству, о чём регулярно пишут газеты. Гитлер, конечно, чудовище, но в отношении евреев он был не так уж неправ». Увы, шлейф подобных рассуждений не развеян до сего дня, в чём легко убедиться, заходя на националистические сайты, в какой бы стране они ни создавались.

И всё же, быть может, не стоит обращать внимание на детали, углубляться в подробности, беречь былые раны? Не проще ли в целях патриотического воспитания подрастающего поколения придерживаться прямой линии единого учебника истории: был грозный враг, победить его удалось благодаря морально-политическому единству советского народа. И точка! Зачем затевать этот долгий трудный разговор?

Чтобы наши дети не стали палачами

Среди двухсот уголовных дел, которые перелопатил Л. Симкин, проступают биографии и судьбы рядовых полицаяев. Большинство из них не были садистами и изуверами: так — рядовые обыватели, в своей прошлой довоенной жизни не проявлявшие особой жестокости. Мотивы, побудившие их участвовать в кровавых расправах, самые банальные: страх за свою шкуру, желание обеспечить пайком семью, стремление нажиться на чужом добре, стадный инстинкт. (Некоторые, поддавшись на призыв вожаков, вооружившись палками, побежали громить соседей, отчётливо не представляя, куда и зачем они бегут.) Но опьянение первой кровью, усиленное раздаваемым спиртом, мгновенно превращало обычных людей в чудовища. Обратной дороги уже не было.

Эта та самая реальность, о которой убедительно писала Х. Арендт в книге «Банальность зла». Вслед за ней М. Ромм, развенчивая обаяние фашизма с его факельными шествиями и величественными ритуалами, которые до сих пор поражают воображение зрителей, в том числе молодых, в лентах Лени Рифеншталь, назвал свой фильм «Обыкновенный фашизм».

Почему тривиальность зла, а, следовательно, лёгкость сползания к нему необходимо постоянно держать в фокусе внимания? Ближе всего к пониманию этой задачи подошёл нидерландский адвокат и общественный деятель Авель Херцберг. Испытав на себе ад нацистских лагерей, он знал, о чём говорил. Когда после очередных чтений одна из слушательниц спросила его, что делать, чтобы наши дети снова не стали жертвами насилия, он ответил: «Это неправильная постановка вопроса. Правильная: что делать, чтобы наши дети сами не стали палачами?» И я с ним согласен. **НО**